

НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ КНИГИ В. Л. ЯНИНА
«НОВГОРОДСКИЕ АКТЫ XII—XV ВВ.»

Чтение замечательной и чрезвычайно полезной для специалистов по истории Великого Новгорода книги В. Л. Янина «Новгородские акты XII—XV вв.»¹ оставляет мало возможностей для уточнения авторского изложения. Все же несколько сюжетов, допускающих такие уточнения, удалось обнаружить, и настоящая статья посвящена их рассмотрению.

Нумерация грамот дана по книге В. Л. Янина (номера выделены жирным шрифтом), затем в круглых скобках — по использованным публикациям, датировка грамот в квадратных скобках и названия курсивным шрифтом — по книге В. Л. Янина.

И. Янин 97 (ГВНП, № 19) [1424 г., август—сентябрь], *Договорная грамота Новгорода с князем Василием Васильевичем*

Основанием датировки грамоты 1435 г. в ГВНП послужило летописное известие 6943 г.: «Тои же зиме князь великий Василии Васильевич человаше крест новгородчом, а новгородци к князю великому человаша крест, отступитися князю великому новгородчкои отцины Бежичкаго верха и на Ламьском волоке и на Вологде, а новгородчким бояром отступитися князьщин, где ни есть; и князь великий нялься слати своих бояр на розвод земле на Петровь день, а новгородцом слати своих бояр» (НПЛ. С. 418). Эта датировка была доказательно опровергнута и А. А. Зиминим,² и В. Л. Яниным, ибо грамота составлена «по благословлению преподобного священноинока Еуфимья», который был поставлен в архиепископы смоленским митрополитом в апреле—мае 1434 г. и, следовательно, не мог именоваться священноинком после поставления. А. А. Зимин предложил два варианта датировки (осень 1432—25 апреля 1433 г.; 25 апреля 1433—20 марта 1434 г.), отдавая предпочтение второму варианту, а В. Л. Янин — август—сентябрь 1424 г.

Основанием для датировки В. Л. Янину послужило сообщение Воскресенской летописи под 1424 г.: «Того же лета князь великий Василие целовал Новугороду Великому на том, что ему отступитися их вотчины Бежитцкаго Верха да Волока да Волотцких мест; а Наугородци целовали великому князю, что им княжчин всех отступитися где ни есть». Кроме того, В. Л. Янин указал, что «существенное противоречие принятым датам грамоты определяется составом новгородских должностных лиц, фигурирующих в ней. В документе названы степенной посадник Михаил Иванович, только что оставивший степень посадник Михаил Онаньич, посадник Афанасий Федорович и степенной тысяцкий Ананья Васильевич. Названные здесь посадники

¹ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991 (далее — Янин).

² Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 318—320.

фигурируют в летописном перечне новгородских посадников, составленном в 1423 г. Что касается тысяцкого Ананьи Васильевича, в других источниках вовсе неизвестного, то, по-видимому, так ошибочно передано в списке грамоты имя тысяцкого Аникия Власевича, имеющееся в перечне новгородских тысяцких 1423 г. Между тем летописный рассказ 1434—1435 гг. имеет дело с именами совершенно иных должностных лиц» (Янин. С. 174—175).

Однако если даже к этому добавить, что в феврале—августе 1434 г. степенным посадником был Самсон Иванович, а степенным тысяцким — Федор Олисеевич (см. Янин. С. 54), то указанный довод противоречит лишь второму варианту А. А. Зимина, оставляя допустимыми следующие возможности: август—сентябрь 1433 г., февраль—март 1433 г. и август—сентябрь 1432 г. (наличие двух сменивших друг друга степенных посадников не оставляет иного выбора — см. Янин. С. 51). Последняя дата маловероятна, ибо Василий Васильевич вернулся в Москву из Орды только 29 июня 1432 г. (на Петров день), получив ярлык на великое княжение. Средняя дата также возможна (кстати, 6 февраля 1433 г. Василий Васильевич женился, так что в это время не исключен приезд новгородских послов к нему, о котором упомянуто в грамоте: «Се приехали послове к великому князю Василью Васильевичу»). А вот первая дата маловероятна по причине разгоревшейся борьбы за великокняжеский престол между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем (25 апреля 1433 г. был бой на Клязьме, где победил Юрий Дмитриевич и занял Москву, хотя и ненадолго). Но в dokonчании 1433 г. великого князя Василья Васильевича с князем Юрием Дмитриевичем после оставления Москвы последним первый отступился от Бежецкого Верха в его пользу и, следовательно, не мог им распоряжаться в договорной грамоте с новгородцами. Состав новгородских должностных лиц в это время неизвестен, а указание В. Л. Янина на то, что должностные лица из грамоты известны давно (например, Михаил Иванович был степенным посадником в феврале—августе 1421 г.), никак не противоречит тому, что они могли исполнять свои должности и в 1433 г.: примеров такого многократного исполнения обязанностей на протяжении долгого времени немало (см. Янин. С. 54—56), да и упомянутый в рассматриваемой грамоте Кузьма Тарасин в 1435—1436 гг. послан в составе новгородской делегации «на отвод земли на Бежичкый Верх» (НПЛ. С. 418), а в 1446—1447 гг. был одним из послов в Псков (ПСРЛ. Т. 16. С. 190—191).

Привязка же грамоты к летописному сообщению 1424 г. (см. Янин. С. 175—177) мне представляется несколько искусственной, ибо требует разных не слишком убедительных допущений: например, сомнительно, что «преподобный священноинок Еуфимий» грамоты — это Евфимий I Братый, ибо во всех летописях именно Евфимий II называется священноиноком, а Евфимий I — чернецом: «В лето 6937. Преставися владыка Еуфимий, месяца ноября в 1 <...> а был владыко 5 лет и 5 недель, а чернцом был на сенех год и две недели. Того же месяца в 13 возведен бысть по жеребью священноинок Еуфимии с Лисицы горке на сени в дом святей Софии. В лето 6940. <...> владыка Еуфимии священноинок постави церковь <...> В лето 6941. <...> постави преподобный нареченыи владыка Еуфимии полату»

Пл. С. 415—416, то же и в Летописи Авраамки, и в Новгородской 4-й). Кроме того, Евфимий I до рукоположения, скорее всего, именовался мельняном, а не Евфимием: «В лето 6932. <...> возведоша Омельяна по ребию <...> и поставлен бысть владыка Еуфимии на Москве» (НПЛ. 414—415). Мне кажется, что разумно вернуться к уточненной датировке А. Зимина: в первом варианте: август—сентябрь 1432 г. или февраль—март 1433 г. (эта датировка, конечно, должна рассматриваться лишь как наиболее вероятная по политическим соображениям из времени пребывания Евфимия II на владычнем месте без рукоположения с 13 ноября 1429 г. 25 апреля 1434 г.).

Принятие новой датировки грамоты Янин 97 (ГВНП, № 19) должно поехать и некоторое изменение датировки грамоты Янин 42 (ГВНП, № 75): февраль—август 1424 г.] надо заменить на первую половину—середину 40-х гг. XV в. (Янин. С. 109). Вторая датировка убедительно обоснована Л. Яниным, а первая как уточнение второй предложена им же на основании времени степенного посадничества Михаила Онаньича, восстановленного по грамоте Янин 97 (ГВНП, № 19). Отказ от этого восстановления влечет не только изменение датировки грамоты Янин 42 (ГВНП, № 75), но и отказ от последних четырех строк в таблице степенных посадников и посадничих (см. Янин. С. 52 — таблица должна заканчиваться строкой: август 22—февраль 1423).

II. Янин 118 (АСЭИ. Т. 3, № 16) [1474—1477 гг.] — «*Второй*» список *инских волостей*

В этом списке можно уточнить ряд действующих лиц.

1. Дементий Андреев.

«А <...> городок Емецкой <...> погост Емецкой <...> по Емце вверх плцо <...> А за рекою за Двиною <...> то было княже Костянтиново Воломеровича Ростовского. А искал тех земель Лука Строганов на Есиие Гошкове, да на Иване на Григориеве, да на Остафьи на Григориеве, да на Дементии на Андрееве» (АСЭИ. Т. 3. С. 33).

19 ноября 1475 г. во встрече великого князя Ивана Васильевича участвуют «бояря и житии люди: Моиси Федоров, Лука Афонасов, Костянтин Бонанов Бабкина, Яким Онаньин, Дементей Андреев Емецкой» (ПСРЛ. Т. 12. 161).

Думается, что приведенных цитат достаточно для отождествления Дементия Андреева грамоты и Дементия Андреева Емецкого летописного сообщения, а следовательно, утверждение, что «никого из этих лиц (Горошков, Игорьевы, Андреев) не было в живых к 1475 г.» (Янин. С. 198), не может носиться к Дементию Андрееву. В писцовых книгах он не обнаружен.

2. Иван Офонос.

В. Л. Янин полагает, что Иван Офонос списка является отцом Олферия Яннова сына Офоносова (Янин. С. 196, 198). Однако обращение к грамоте Янин 116 (АСЭИ. Т. 3, № 20) [1476 г., 6 апреля] — *Список Новоторжских волостей, возвращаемых великим князем Иваном Васильевичем новгородским тчинникам* — показывает, что имеется Иван Офонос, отличный от отца Олферия, ибо по приказу великого князя Иван Офонос с сыном Олферием

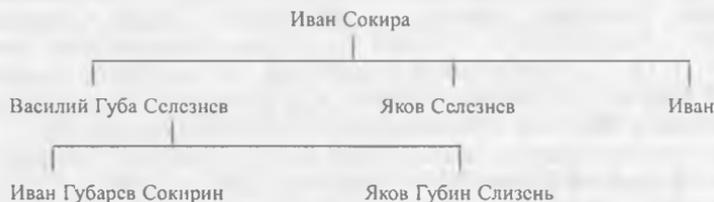
был схвачен и в оковах выслан в Москву в конце ноября 1475 г., а Ивану Офоносову списка от 6 апреля 1476 г. великий князь возвращает «деревни Подол, да Ондريانково, да Тимофеево» (АСЭИ. Т. 3. С. 36). Но по писцовым книгам хорошо известен Патрекеев Иван Офоносов сын, владелец земель во многих заонежских погостах (Пиркиничский на Свери, Рождественский Мегрежский, Вытегорский Покровский, Никольский на Андоме), который с не меньшим правом может выступать в роли Ивана Офоносова комментируемого документа (отмечу также, что грамоты Янин 116 и Янин 118 входят в состав одного сборника, вся целенаправленная подготовка и подборка документов в котором была предпринята перед походом 1477 г. Ивана III на Новгород (см. Янин. С. 193)).

3. Степанко Космыниң.

В писцовых книгах известен Василий Космынин Владычньский, так что, возможно, он имеет какое-то отношение к новгородскому владыке (например, владычень слуга или что-либо похожее); учитывая, что Степанко Космынин «отвечивал во владычне место ноугородского, в Ионино» (АСЭИ. Т. 3. С. 32), естественно предполагать наличие родственных связей между ними.

III. Янин 138 (ГВНП, №112) [1461—1467 гг.] — *Грамота посадников Славенского конца о размежевании земли Ивана Васильевича Губарева и Саввино-Вишерского монастыря*

Вызывает возражение связанная с этой грамотой реконструкция генеалогии Селезневых—Губаревых, приведенная на схеме 1 (Янин. С. 64):

Основой реконструкции служит следующее место грамоты: «Се покончаша промеж себе от Славенского конца посадники <...> с Иваном Губаревым, с посадничим братом, с Иваном Сокириным <...> покончаша промеж себе и Иване Васильеве Губареве...». Доводы В. Л. Янина (см. Янин. С. 63—64) в защиту указанной реконструкции таковы:

1. Братом Ивана Васильевича Сокирина является посадник Яков Васильевич Селезнев (Слизень), ибо это единственный подходящий посадник этого времени с отчеством Васильевич и при этом его отцом является Василий Губа Иванович Селезнев, чем объясняется второе прозвище Ивана Васильевича Сокирина — Губарев. Сразу же отмечу, что в этом доводе присутствует скрытая идентификация хорошо известного по писцовым книгам Якова Васильева сына Губина Селезнева с летописным посадником Яковом Слизнем, участвовавшим 20 ноября 1475 г. во встрече великого князя при посещении последним Новгорода: «стретиша его посадници: Фома Андреевич Курятник, Федор Окинфов Глазоемцев, Яков Слизень, Никита Федоров, Олферий Михайлов тысяцкой» (ПСРЛ. Т. 12. С. 161; Т. 25. С. 305);

2. Иван Секирин фигурирует не только в данной грамоте, но и в летописи в рассказе о встрече Ивана III среди нетитулованных бояр, и он, судя по этому прозвищу, является одним из потомков умершего в 1446 г. посадника Сокиры, который в летописном рассказе указанного года выступает только под прозвищем. В силу довода 1 и Яков Васильевич Селезнев его отец, и, следовательно, их дед носит имя Иван (так как Василий Губа имеет отчество Иванович). Логично предположить, что их предполагаемый предок Сокира и дед Иван — это одно и то же лицо. Среди посадников этого имени по имени Иван подходит только один: Иван Васильевич, который, следовательно, и тождествен посаднику Сокире. Дополнительным доводом авильности реконструкции является доказанная принадлежность к Невскому концу и Селезневых, и Ивана Васильевича.

В основе моих возражений лежат следующие соображения.

А. Хорошо известно, что слово «брат» употребляется для разных степеней родства (а не только в значении «родной брат»), примеры тому имеются в грамотах (см. ГВНП, № 110: «Остафий Онаньевич приказывает <...> и атау своему Ермолу Микифорову»; ГВНП, № 89: «Степан Есипович и его атья Андреян Олександрович и Ермола Левонтиевич и Остафей Василиевич»; АСЭИ. Т. 3, № 16 (Двинской список): «на Василии на Степанове да на ате на его на Василии на Тимофееве»). Поэтому неудача реконструкции с дным братом вполне допустима.

Б. Конечно, Сокирин и Секирин могут рассматриваться как два варианта писания одного и того же прозвища (ибо слова «соки(ы)ра» и «се(ы)ра» — это два написания одного и того же слова³), так что отождествление Ивана Сокирина грамоты и летописного Ивана Секирина: 6.11.6984 <...> встретили <...> бояре: <...> Иоанн Сеқырин/Иван Секин» (ПСРЛ. Т. 12. С. 25) не вызывает возражений. Но Сокерины—Секирины хорошо известны по писцовым книгам, и естественнее присоединение зана Сокирина к ним, чем к Селезневым. Ситуация с Сокеринами—Секиринами в писцовых книгах такова: в Шелонской и Бежецкой пятинах — окерины, в Водской и Деревской — Секирины (одно исключение: Секин Михаил Малый в Шелонской пятине), и при этом встречаются:

Сокерин Григорий,	Секирин Григорий,
Сокерин Федор,	Секирин Федор,
Сокерин Яков,	Секирин Яков,
Сокерин Михаил,	Секирин Михаил Иванов сын,
	Секирин Михаль Малый,
	Секирина Семена жена Матрена.

Кроме того, бесспорны родственные отношения между всеми Сокеринами—Секиринами, ибо имеются «вопчие волостки Григория да Федора да Якова Сокериных, а также Гриди да Федора Секириных да Секирина Семена жены Матрены»; отметим еще, что в Сабельском погосте Шелонской пятины расположены деревни Сокерина Григория и Сокерина Михаила, а в Сабельском погосте Водской пятины — деревни Секирина Михаила Ивана сына. Наиболее правдоподобна для Сокериных—Секириных следующая версия родственных отношений:

³ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 592.

Григорий, Федор и Яков — родные братья; Семен — их родной брат либо отец; Михаил — сын Ивана Секирина из грамоты и летописи и, возможно, брат (неродной) Григория, Федора и Якова; Михаль Малый — родной брат Михаила, а возможно, идентифицируется с ним. Также вполне возможно, что все они являются потомками посадника Сокиры во втором поколении (по второму письму за ними числится около 300 обжей, что является достаточно значительным землевладением). Кроме того, в книге пригородных пожен Великого Новгорода указана пожня «подле Григорьевскую Секирина с Ильины улицы» (ПКНЗ. Т. 1. С. 355), что дает основание для предположения о принадлежности Сокериных—Секириных к Славенскому концу. Кстати, принадлежность Ивана Сокирина грамоты к Славенскому концу даже более логична, чем к любому другому, ибо земля, данная этим концом монастырю, граничит, скорее всего, с землей представителя Славенского же конца.

В. В отличие от Сокериных, в летописях имеется немало сведений о Селезневых:

после боя на Шелони 14 июля 1471 г. «изымани же посадници их Василей Казимир, Дмитрей Исаков Борецкий, Кузма Григорьев, Яков Федоров, Матфей Селезнев. [Василей Селезнев — только в т. 12, с. 135], два сестрича Казимеровы, Павел Телятев, Кузма Грузов <...> иуля 24 <...> повеле казнити главною казнию Новгородских посадников за их измену <...> Дмитрея Исакова Борецкого да Василья Губу Селезенева да Еремея Сухощока да Киприана Арзубьева <...> а Василья Казимера да Кузму Григорьева да Якова Федорова да Матфея Селезенева да Кузму Грузова да Федота Базина велел отвести на Коломну» — отпущены пленные 15 декабря 1471 г. (ПСРЛ. Т. 12. С. 135—138; Т. 25. С. 289—290);

«князь великий <...> посече 4 боярина: посадника Новгородскаго Дмитрия Исаковича, Василья Ивановича, Киприана Сергиевича, Еремиа владычня чашника» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 447).

Итак, отчество Василия Губы Селезенева мы узнаем из Новгородской 4-й летописи, а отчество Матфея Селезенева — из *Договорной грамоты между Швецией и Новгородом о мире на год*, где назван «фогт Великого Новгорода Матфей Иванович», которого В. Л. Янин идентифицирует с тысяцким Матфеем Ивановичем Селезевым (см. Янин 57, 22 января 1473 г. С. 120). Василий Селезнев упоминается также во «*Втором*» списке *Двинских волостей* (АСЭИ. Т. 3. С. 32—33).

Дальнейшие сведения о Селезневых имеются в летописи под 1475 г., когда великий князь ездил в Новгород миром:

«16 ноября встретили великого князя <...> тысяцкие старые Матфей Селезнев, Андрей Исаков да бояря Иван Кузмин Савельева, Иван Секирин <...> 25 ноября били челом великому князю, пришед на Городище, мнози Новгородци две улицы, Славкова да Микитина, на бояр на Новгородских на посадника степенного Василья Онаньина, на Богдана на Есипова, на Федора на Исакова, на Григория на Тучина, на Ивана на Лошынського, на Василья на Микифорова, на Матфея на Селезенева. [на Якова на Селезенева — только в т. 12, с. 163] <...>, что наехав на те две улицы людей у них перебили <...> 1 декабря приде к великому князю <...> и иные посадници и тысяцкие

бояря и житии мнози бити челом о винных <...> о Григорие о Тучине, о силе Микифорове, о Матфее Селезенева и о всех товарищех их <...> и пикий князь пожаловал, казни отдал» (ПСРЛ. Т. 12. С. 159—165; Т. 25. 304—306).

Мы видим, что здесь появляется новое лицо — Яков Селезнев, встречающийся до этого лишь в летописном перечне новгородских посадников: Иван Иванович, брат его Яков Селезневич...» (НПЛ. С. 164—165).

Правда, в летописном известии от 25 ноября Яков Селезнев стоит после атфея Селезенева, который был не посадником, а тысяцким, но возможно, о при подаче жалобы не столь существен статус лиц, на которых подается проба, ибо и посадник Григорий Тучин стоит после не бывшего посадником Федора Исакова, и тысяцкий Матфей Селезнев стоит после нетитулованных бояр Ивана Лошинского и Василия Микифорова.

Посадник Иван Иванович известен также по грамоте Янин 167 (ГВНП, 294) [начало 60-х гг. XV в.]. В грамотах Янин 101 и 102 [1456 г., конец января], 105 [1457—1460 гг.] (ГВНП, № 22—24) встречается тысяцкий Яков Иванович, и, вообще говоря, нет никаких противоречий тому, что речь идет о Якове Ивановиче Селезенева. Так это или нет, мы не знаем, но из летописных известий и грамот можно сделать вывод о четырех братьях Селезневых Ивановых детях: трех посадниках — Василий Губа, Яков, Иван и ном тысяцком — Матфей.

Обратимся теперь к писцовым книгам. Там встречаются следующие землевладельцы Селезневых:

Селезнев Яков Васильев Губин сын (всего в Бежецкой, Водской, Деревской и Шелонской пятинах 388 обжей; причем в любом его именовании все-таки присутствует «Губин»);

Селезнев Федор Яковль сын и Селезнев Федор Немой Яковль («Федоровские Яковлева сына Селезенева» и «Федоровские Яковлева Селезенева земого») — различаются ли эти два Федора, неясно, ибо в писцовых книгах один и тот же землевладелец может встречаться как с прозвищем, так и без прозвища (неясно даже, относится ли «Немой» к имени Федор, хотя это наиболее вероятно). Отметим лишь, что Федор Немой встречается только в Деревской, Буховском и Холовском погостах Деревской пятины (всего 85.5 обжи), а Федор — в Вельевском, Налесском, Яжелобецком, Семеновском, Яребуновском, Налючском погостах Деревской пятины и в Водской и Оболенской пятинах (всего 154.5 обжи);

Селезнев Михаил Матфеев сын (всего в Бежецкой и Водской пятинах 14 обжи);

Губина Василия жена Анна (всего в Водской пятине 21.5 обжи).

Помимо земельных владений в писцовых книгах еще описаны:

1) рыбные ловли Якова Губина (ПКНЗ. Т. 1, с. 98: два лещевых места на Яковлевском озере), Федора Селезенева (ПКНЗ. Т. 1, с. 288: тоня Омут Федоровская Селезенева), Якова Селезенева (ПКНЗ. Т. 1, с. 290: на Мсте у Глинницы тоня Яковлевская Федоровая Селезенева и на Мсте у Глинницы с Яковлевские оброку; в записи «Яковлевская Федоровая Селезенева» казая-то ошибка, но так как чуть ниже про ту же тоню написано «с Яковлев-

ские», а выше описана топя «Федоровская Селезенева», то я не ввожу новое лицо — Яков Федоров сын Селезенева, ибо, кроме этой записи с явной опической, нигде более он не встречается);

2) пожни Якова Губина Селезенева и Яковльская Губина в Грузинском погосте Водской пятины (НПК. Т. 3. Стб. 451), а также пожни с Козмодемьяны ул. Федоровские Селезенева Немого (ПКНЗ. Т. 1. С. 373) и Яковльские Васильева сына Губина (ПКНЗ. Т. 1. С. 374) и пожни с Легощи ул. Яковльские Васильева сына Губина (ПКНЗ. Т. 1. С. 356). Наличие этих пожен подтверждает установленную В. Л. Яниным принадлежность Селезенева Неревскому концу (Янин. С. 71);

3) «Село, что было Юрьева монастыря за Ивангородцы <...> за Яковльским человеком Селезенева <...> за Настасьинским человеком Ивановы жены Григорьева <...> за Микитинскими людьми Есипова <...> за Казимировским человеком <...> за Матфеевским человеком Грузова <...> за Офонасьевским человеком Патрекеева» (НПК. Т. 3. Стб. 856). Здесь нужно отметить, что ни Яков Селезенева, ни Микита Есипов, ни Офонасий Патрекеев не встречаются среди землевладельцев, а встречаются жена Микиты — Оксинья и дети Офонасия — Иван и Якова — Федор (еще раз напомяну, что в любом именовании Якова Васильева сына Губина Селезенева всегда встречается «Губин»), так что Яков Селезенева — это наверняка Яков Иванов сын Селезенева.

Итак, среди землевладельцев писцовых книг мы наблюдаем следующее поколение Селезенева по сравнению с летописями и грамотами: естественно считать, что Михаил Матфеев сын Селезенева является сыном Матфея Ивановича Селезенева, Федор (и/или Федор Немой) Яковлев сын Селезенева — это сын Якова Ивановича Селезенева, Яков Васильев сын Губин Селезенева — это сын Василия Губы Ивановича Селезенева и его жены Анны. По крайней мере, такая версия родственных отношений между Селезенева не содержит никаких явных внутренних противоречий и может быть принята.

Предложение В. Л. Янина об идентификации Якова Васильева сына Губина Селезенева с летописным посадником Яковом Слизенем (см. выше, пункт 1) представляется мне неудачным. Никаких доводов для такого отождествления, кроме совпадения имен и некоторой внешней схожести «фамилий», нет, но в отличие от «сокира—секира» селезень и слизень (улитка) — разные слова. И уж в таком случае с заведомо большим правом можно отождествить Якова Иванова сына Селезенева с Яковом Слизенем, ибо и про того, и про другого в отличие от Якова Васильева сына Губина Селезенева хотя бы известно, что они были посадниками. Возможен даже другой кандидат для Якова Слизеня — хорошо известный по писцовым книгам Яков Васильевич Слизин; вероятно, именно его брат Олуферий Васильевич Слизин в 1463 г. был послан новгородцами послом к королю в Литву (ПСРЛ. Т. 16. С. 214), и, следовательно, Слизины не были столь безвестным семейством, чтобы из их среды не мог выдвинуться посадник, особенно в период явного обесценивания такого титула.

Сомнительно также, чтобы Селезенева происходили от Сокиры: все-таки естественнее считать, что от Сокиры происходят Сокерины—Секирины,

Селезеневы происходят от Селезеня. Отметим еще, что по писцовым книгам земельные владения Селезеневых (около 900 обжей) примерно в три раза превосходят земельные владения Секириных (около 300 обжей), что также вряд ли позволяет говорить о слишком близких родственных отношениях между Селезеневыми и Секириными. Все вышесказанное, как мне кажется, позволяет с достаточной долей уверенности утверждать, что никаких близких родственных отношений между Селезеневыми и Сокериными—Секириными не существует, а следовательно, реконструкция генеалогии Селезеневых—Губаревых и Сокериных, предложенная В. Л. Яниным, вряд ли верна. Конечно, мы вообще стоим на зыбкой почве предположений и различных трактовок известных фактов, но в таком случае, на мой взгляд, лучше придерживаться более естественных и менее ложных построений.

IV. С грамотой ГВНП, № 112 связан еще один сюжет — о числе славенских посадников в 60-е гг. XV в. Общая стройная картина развития посадничества в Великом Новгороде, нарисованная В. Л. Яниным (см. Янин. С. 64—74), весьма убедительна, но возникает некоторое противоречие в одном частном случае. Число славенских посадников в это время В. Л. Янин пределяет в 9 человек. Надо отметить, что и сам В. Л. Янин обнаружил 10 славенских посадников (см. Янин. С. 67): 8 посадников грамоты № 112 Иван Максимович, Василей Степанович, Федор Остафьевич, Мина Власьевич, Иван Тимофеевич, Юрья Терентьевич, Василией Терентьевич, Василей Иванович) + Афанасий Остафьевич Грузов + Иван Немир Васильевич Пенкурский. Но он объяснил это ошибкой в публикации Амвросия, прочитавшего в списке восьми посадников вместо Ивана Васильевича Ивана Тимофеевича (см. Янин. С. 67). Конечно, и само по себе такое объяснение выглядит не слишком удовлетворительным, но, главное, оно не спасает ситуацию, ибо имеется еще один славенский посадник этого времени — Иван Офонос, также указанный, но почему-то не учтенный В. Л. Яниным (см. Янин. С. 70): он фигурирует в *Духовной грамоте Федора Остафьевича Янина 136* (ГВНП, №111) [60-е гг. XV в.], которая, согласно В. Л. Янину, предшествует грамоте ГВНП, № 112, и следовательно, Иван Офонос является славенским посадником на момент появления грамоты № 112; я уже говорил о том, что Иван Офонос как посадник известен в 1459 г. (ПСРЛ. С. 16. С. 198), а грамота № 112 датируется 1461—1467 гг.

На самом деле, нет оснований считать, что духовная грамота Федора Остафьевича № 111 предшествует документу № 112, в котором Федор Остафьевич также фигурирует. В. Л. Янин (см. Янин. С. 220) обосновывал это предположение тем, что в грамоте № 112 отсутствует посадник Федор Алексеевич, упомянутый в грамоте № 111 и в перечне Уваровской летописи подразумевается при этом, что отсутствие Федора Алексеевича означает, что он к этому времени уже умер, иначе это нельзя рассматривать как обоснование). На это я могу лишь возразить, что посадник Афанасий Остафьевич Грузов, также упомянутый в перечне Уваровской летописи и отсутствующий в грамоте № 112, и посадник Иван Офонос, также отсутствующий в грамоте № 112, благополучно дожили до 1475 г., так что отсутствие Федора Алексеевича в грамоте № 112 не может являться дово-

дом при выяснении вопроса о том, какая из грамот № 111 и № 112 является более ранней (вообще говоря, скорее документы с участием некоторого человека предшествуют духовной грамоте этого человека, чем наоборот). Но если отнести грамоту № 111 ко времени более позднему, чем грамота № 112, то на момент появления грамоты № 112 появится еще один славенский посадник — Федор Алексеевич. В любом случае число славенских посадников на момент появления грамоты № 112 заведомо больше 9: по крайней мере 10, если мы учитываем только Ивана Офоносова; 11, если грамота № 111 появилась позже грамоты № 112, — добавится Федор Алексеевич; 12, если учитывать и Ивана Немира Васильевича Шенкурского, так как уже нет смысла считать, что в прочтении Амвросием грамоты № 112 наличествует ошибка.

V. К сожалению, неприятности, доставляемые посадником Иваном Офоносовым, на этом не кончаются, ибо его существование противоречит утверждению В. Л. Янина о полноте перечня посадников Уваровской летописи до 1463 г. (см. Янин. С. 64—65). Действительно, Иван Офоносов отсутствует в этом перечне, в то время как там присутствует Василий Александрович Казимер, который, будучи тысяцким, в 1459 г. сопровождал владыку Иону в Москву на поставление вместе с посадником Иваном Офоносовым.

VI. Янин 151 (ГВНП, № 122) [60—70-е гг. XV в.] — *Рядная грамота Федора Онкифовича, его жены и детей с Матфеем Ивановичем на наследуемую ими землю Федора Максимовича и Федора Дмитриевича*

Уточнение касается идентификации одного из свидетелей грамоты Василия Андреяновича («Васюк Андреянов Онкифов» писцовых книг — см. НПК. Т. 2. Стб. 284 и 327—328) «с владельцем села Волмановского Василием: в этом селе останавливался Иван III во время мирного похода на Новгород 16 ноября 1475 г.» (Янин. С. 229). Прежде всего уточню, что в летописи речь идет о селе Василия Волмановского, а не о селе Волмановском (ПСРЛ. Т. 25. С. 304: «В 16 в четверток в Васильеве селе Волмановского сретили великого князя...»), и лишь на следующий день, 17 ноября 1475 г., великий князь стоял на Усть-Волме, где расположена деревня Усть-Волмы, четвертая часть которой принадлежала Васюку Андреянову Онкифову. Если теперь мы обратимся к писцовым книгам, то увидим, что в них имеется своеземец Микифорик Васильев сын Воломского, который сам проживает в селце Волма (НПК. Т. 2. Стб. 121), так что несомненно именно у его отца Василия Воломского (в летописи Волмановского) в селце Волма и останавливался Иван III; свидетель же грамоты Васюк Андреянов Онкифов не имеет никакого отношения к Василию Волмановскому.

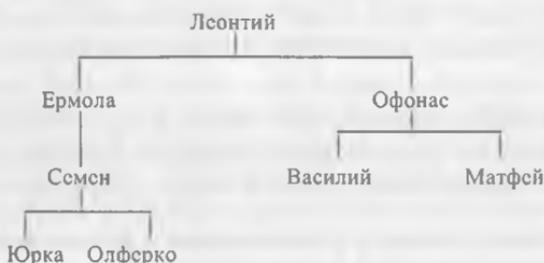
Некоторое недоумение вызывает и включение в название грамоты Федора Дмитриевича — из текста грамоты скорее следует, что речь идет о Дмитрие, дяде Федора Максимовича, так что, возможно, более правильным было бы следующее название грамоты: *Рядная грамота Федора Онкифовича, его жены и детей с Матфеем Ивановичем на наследуемую ими землю Федора Максимовича и его дяди Дмитрия.*

VII. Янин 156 (ГВНП, № 284) [вторая половина XIV в.] — *Мировая грамота старосты Вымоченского погоста, шунжан, толвуян и кузарандцев с глумужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми о размежевании земель*

Вызывает возражение та часть построенной в связи с этой грамотой генеалогической схемы 3, которая начинается Леонтием (см. Янин. С. 240):

Она должна быть заменена на следующую:

Впрочем, серьезных оснований для иного построения генеалогической схемы и не было: всюду, за исключением одного случая, пишется Семен Ермолин (ПКОП. С. 154, 165, 166; ПКНЗ. Т. 1. С. 191, 305; Т. 2. С. 4, 5, 13; АЕ за 1957 г. М., 1958. № 1, 2), и лишь в одном случае написано Семен Офонасов Ермолин (ПКОП. С. 167), что и дало В. Л. Янину повод утверждать, что «Ермолин» было не отчеством Семена, а прозвищем по имени его деда» (Янин. С. 239).

Однако я хотел бы отметить, что описание в ПКОП, с. 167: «А угодыя по писцовым книгам в той волостке с царевною с великого князя волостькою с Семеновской Офонасова Ермолина в речке в Челможе колы рыбные, а ловят по году, да в губе в Челможской и в островех в Онежских ловлях ввопче по половинам с царевыми великого князя крестьяны» — практически повторяет описание в ПКНЗ. Т. 2. С. 13: «Да в тех же в писцовых в Ивановых книгах еклемешева написано <...> В том же Петровском погосте в Челможи Спасы Хутьня монастыря рыбные ловли в вопче с царевною великого князя вологскою Семеновскою Ермолина в реке в Челможе колы рыбные, а ловят по году. Да в губе в Челможской и в островех в Онежских ловля вопче по половинам с великого князя крестьяном» и ПКНЗ. Т. 1. С. 305: «Да в тех же писцовых в Юрьевых книгах Сабурова написано <...> А угодыя монастыр-

ского в той волостке рыбные ловли вопче с великого князя волосткою Семеновскою Ермолина в реке в Челможе колы рыбные, а ловят по годом, да в губе в Челможской и в островах в онежских ловля вопчая по половинам с царевыми великого князя крестьяны», где написано просто «Семен Ермолин». Так что откуда в книге 1563 г. (ПКОП. С. 167) появилось «Семеновской Офоносова Ермолина», неясно.

Но самое главное, в грамоте Янин 205 (АЕ за 1957 г. № 2) написано: «Сез, Семен Ерьмолинич, и мой братан Василей Офоносovich з братом дали есмя в дом святей Богородици <...> А дали есмя на память отцом своим, и матерем...». Мы видим, что

а) и отец, и мать стоят во множественном числе, что было бы странно, если бы Семен и Василей были родными братьями;

б) Василей назван братаном Семена, а следовательно, неродным братом, — то, что он брат, а не племянник, подтверждает писцовая книга, в которой сказано: «А держат то угоде по даной грамоте старых бояр Семена Ермолина да брата его Василья Офоносова» (ПКОП. С. 154). Грамота Янин 204 (АЕ за 1957 г. № 1) свидетельствует наличие у Семена Ермолина братанов: «ненадобе вступатися в тое место Семену Ермолину и его братанам» (скорее всего, и здесь речь идет о Василье Офоносове и его брате). И эти «братаны» обнаруживаются в писцовых книгах, в которых хорошо известны Василий Офонос сын Лентиева и его брат Матфей Офонос сын Лентиева (НПК. Т. 3. Стб. 524: «деревни Матвеевские да Васковские Офоносowych детей Лентиева»; НПК. Т. 3. Стб. 525 про те же деревни сказано: «А Матфеевских с братом»; НПК. Т. 3. Стб. 742: «волостка Матюка да Васка Офоносowych детей Лентьева»; НПК. Т. 3. Стб. 744 про ту же волостку сказано: «А Дмитриевских да Васильевских Офоносowych детей Левонтьева с Холопыи улицы». Из последней фразы вытекает, что данное семейство принадлежит к Неревскому концу, в силу принадлежности к нему Холопией улицы). Внимательный читатель уже заметил, что брат Василия в последней цитате назван Дмитрием, а не Матвеем, как раньше, — но это, конечно, описка, при которой имя Матюк (Матфей) заменяется на Митюк (Дмитрий).

Более существенная ошибка относительно тех же братьев присутствует при описании сельца Дикерино Перхура Еросимова, «вопче с Дмитриевскими да с Васильевскими обжами Офоносowych детей Ермолина» (НПК. Т. 3. Стб. 726) — ведь речь идет о том же самом селе, что описано в НПК. Т. 3. Стб. 742 и 744 (правда, там сельцо называется Кикерино). Конечно, эта ошибка может рассматриваться как подтверждение генеалогической схемы 3, предложенной В. Л. Яниным, ибо опять можно считать, что имя Леонтий было не «дедовством» Василия и Матфея, а прозвищем по имени их прадеда, в то время как их дедом был Ермола. Но, как и в случае с Семеном Ермолиным, вновь имеется лишь единственный пример «Офоносowych детей Ермолина», причем при описании чужой волостки, лишь «вопчей» с их волосткой, в то время как при описаниях их собственных волосток в двух погостах сказано «Офоносowych детей Лентиева». Кроме того, для второй половины XV в. твердо установленные случаи замены отчества «дедовством» в новгородских писцовых книгах, актах или летописях единичны, так

что прибегать к такому доводу возможно лишь в исключительной ситуации, каковой рассматриваемая вряд ли является. Здесь же скорее речь идет о наличии не столь уж редких в писцовых книгах описок-ошибок,⁴ и замена выделенной части генеалогической схемы 3 на предложенную мною представляется достаточно надежной — конечно, нужно внести соответствующие изменения и в схемы 4 и 5 (Янин. С. 24, 243).

VIII. Янин 215 (ГВНП, № 329) [60—80-е гг. XV в.] — *Память Антона Григорьевича Соловецкому монастырю о вкладе деревни на Прилуке*

Эта грамота имеет еще одну уточняющую хронологическую примету, помимо указанной В. Л. Яниным, — приведенная в грамоте мера земли «бес четверти обжа» не использовалась в первом письме (около 1490 г.), в котором число обож всегда было целым, так что грамота, скорее всего, довольно поздняя: возможно, конца XV—начала XVI в.

IX. Янин 341 (ГВНП, № 167) [60-е гг. XV в.] — *Данная грамота чернеца Алексея Николаевскому Чухченемскому монастырю на землю Захаркинскую и пожни на Малом острове*

Среди послухов грамоты В. Л. Янин числит владычного наместника Ивана Петровича, известного также по другим грамотам (ГВНП, № 137, 221, 187, 188, 230). Однако такого послуха в данной грамоте нет, хотя в тексте грамоты и есть некий Иваш Петров — один из тех, кто «отступилися Васильевы земли», но он вряд ли имеет какое-либо отношение к владычному наместнику Ивану Петровичу. Последний наверняка может быть отождествлен с хорошо известным по писцовым книгам Иваном Петровым сыном Чашниковым (см. НПК. Т. 3. Стб. 23, 821; ВОИДР. Кн. 11. Стб. 121, 239). Вряд ли можно сомневаться в том, что он является сыном владычного чашника Петра Клементиевича, выступающего одним из послухов в грамотах Янин 165 и 166 (ГВНП, № 292, 293).

⁴ Например, в ПКНЗ. Т. 2. С. 8 написано: «Ивановские да Григорьевские Ивановых детей Казимировых сестичичев», хотя по всем другим упоминаниям и в писцовых книгах, и в летописях они хорошо известны как «Михайловы дети».